

FTAMP/SRSTI/ГРНТИ 21.15

<https://orcid.org/0009-0006-8819-2693>
e-mail: a.k.izbair@gmail.com

ҚАЗАҚ ДАЛАСЫНДАҒЫ РЕСЕЙ ИМПЕРИЯСЫНЫҢ ОТАРЛЫҚ САЯСАТЫНЫҢ ДІНИ ЖӘНЕ ИДЕОЛОГИЯЛЫҚ НЕГІЗДЕРІ

Ізбайыров Асылбек Кәрімұлы
Тарих ғылымдарының докторы
Алматы қ., Қазақстан

الأسس الدينية والأيدولوجية للسياسة الاستعمارية
للإمبراطورية الروسية في السهوب الكازاخستانية

Ізбайыров Асылбек Кәрімұлы
Доктор ғылымдарының докторы
Алматы, Қазақстан

RELIGIOUS AND IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE COLONIAL POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE KAZAKH STEPPE

Izbairov Assylbek Karimovich
Doctor of Historical Sciences
Almaty, Kazakhstan

РЕЛИГИОЗНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ

Ізбайыров Асылбек Каримович
Доктор исторических наук
г. Алматы, Казахстан

Аңдатпа. Мақалада қазақтарды Ресей бодандығына кіргізудің негізгі діни және идеологиялық алғышарттары мен себептері талданады. Автор бұл үдеріске сыртқы және ішкі факторлардың әсерін айта отырып, отарлаудың негізгі субъектісі – Ресей империясы, оның сыртқы саяси мүдделері қазақтарды Ресей бодандығына қабылдау үдерісінде шешуші фактор болды деген қорытындыға келеді. Сондай-ақ бұл үдерісте автор отарлық саясаттың идеологиялық негіздерін анықтауға ерекше назар аударады.

Түйін сөздер: дін, Ресей империясы, отарлық саясат, этнологиялық, ұлт.

المُلخَص: يحلّل المقال المتطلّبات والأسباب الدّينيّة والأيدولوجيّة الرّئيسة لجلب الكازاخستانيين إلى الجنسيّة الرّوسيّة. ويسلّط المؤلّف الضّوء على تأثير العوامل الخارجيّة والدّاخليّة على هذه العمليّة. توصلّ البحث إلى استنتاج مفاده أنّه إذا كان الموضوع الرّئيس للاستعمار هو الإمبراطوريّة الرّوسيّة، فإنّ مصالح سياستها الخارجيّة بالتّحديد هي التي تعمل كعامل خارجيّ حاسم في عمليّة جلب الكازاخستانيين إلى الجنسيّة الرّوسيّة. وفي هذه العمليّة، يولّي البحث اهتمامًا خاصًا لتحديد الأسس الأيدولوجيّة للسياسة الاستعماريّة.

الكلمات المفتاحيّة: الدين، الإمبراطورية الروسية، السياسة الاستعمارية، الأيديولوجيّة، الجنسيّة.

Annotation. The article analyzes the main religious and ideological prerequisites and reasons for bringing Kazakhs into Russian citizenship. The author highlights the impact of external and internal factors on this process. The author comes to the conclusion that if the main subject of colonization is the Russian Empire, then it is precisely its foreign policy interests that act as a decisive external factor in the process of bringing Kazakhs into Russian citizenship. And in this process, the author pays special attention to identifying the ideological foundations of colonial policy.

Key words: religion, Russian Empire, colonial politics, ireology, natioinality.

Аннотация. В статье анализируются основные религиозные и идеологические предпосылки и причины приведения казахов в Российское подданство. Рассматривается воздействие на этот процесс внешних и внутренних факторов. Автор приходит к выводу что, если главным субъектом колонизации является Российская империя, то ее внешнеполитические интересы выступают в качестве решающего внешнего фактора в процессе приведения казахов в Российское подданство. И в этом процессе автор особое внимание обращает на выявление идеологических основ колониальной политики.

Ключевые слова: религия, Российская империя, колониальная политика, этнологический, национальность.

Содержание

Исследование колониальной политики Российской империи посвящено достаточно острой и дискуссионной теме, поскольку затрагивает одну из чувствительных сторон во взаимоотношениях Казахстана с северным соседом - Россией.

К настоящему времени в анализе этой проблемы появилось множество

работ, которые так или иначе не избежали идеологической ангажированности вопроса. Одни становятся апологетами процесса присоединения степи к Российской империи - называют его чуть ли не «положительным актом», способствовавшим экономической модернизации отсталого казахского общества и послужившем мощным толчком в развитии

производительных сил. Другие историки дают этому процессу однозначную негативную оценку, называют «абсолютным злом», которое принесла Российская империя в отношении покоренных народов. Так, еще в далекие 30-ые годы прошлого столетия исследователь М.Н. Покровский отмечал, что «рынки брались приступом: «покупатель» сливался с военнопленным, и боевые генералы являлись непосредственно представителями национального капитализма» (Покровский, 1923: 321).

Весьма показательна идеологизированность вопроса отражается в событиях издания и переиздания советскими историками «Истории Казахской ССР». Так, если в издании 1943 г. вопрос присоединения территории Казахстана к Российской империи рассматривался не в качестве волеизъявления всего казахского народа, а как следствие соглашения между «продажной ханско-султанской элитой казахского общества и амбициозной имперской администрации», то уже в новой редакции «Истории Казахской ССР» 1957 года наблюдается абсолютизация идеи прогрессивности присоединения территории Казахстана к Российской империи и позитивной роли «культурной миссии» русского населения в целом, как «цивилизатора» в просвещении «варварских» народов окраин.

Независимо от того, насколько правильна та или иная оценка в этом вопросе, в случае с Е.Н. Бекмахановым, в связи с его книгой «Казахстан в 20-40-е годы XIX века», а также с С.Д. Асфендияровым, при написании им «Истории Казахской ССР», подключался государственный репрессивный аппарат. Это является ярким подтверждением того, насколько историческая наука была и остается мощнейшим идеологическим инструментом в

управлении массами и продвижения своих интересов.

В оценке сущности колониальной политики Российской империи нужно отталкиваться от факта, что она действовала исходя из своих интересов и следовала «имперской логике» в регионе. В исследовании этой проблемы нам необходимо глубоко и комплексно рассмотреть вопрос: – насколько колониальная политика Российской империи была направлена на достижение заранее стратегических целей в отношении всего региона? Например, насколько взаимосвязаны такие цели, как возможность через Казахскую Степь и Центральную Азию приобрести выход в Персию и в Индию? Проявляется ли четкая направленность элиты на христианизацию Казахской степи и Центральной Азии? Имела ли место система согласованных действий, либо, как утверждают некоторые исследователи, политика экспансии была просто следствием и данностью, даже «вынужденной необходимостью», исходя из тех реалий, что казахи как бы сами обратились за подданством? Самое главное необходимо четко проанализировать религиозные и идеологические основы колониальной политики Российской империи в казахской степи, и насколько сильны в сегодняшнем казахстанском обществе заложенные в свое время колониальным руководством т.н. «капканы истории», в которые мы так часто попадаемся в оценке действительной истории Казахстана в этот период.

Семенова Н.Л., опираясь на некоторые научные выводы исследователя Тебаева Д.Б., справедливо отмечает, что «с XVIII в. Степной край, как важный геополитический и геоэкономический регион, начинает занимать для России одно из ключевых мест. Важность региона определялась следующими факторами.

Во-первых, степной край находился на транзитной территории, соединяя азиатский континент с европейским. Во-вторых, не слишком густонаселенная территория позволяла разместить здесь население из европейской части России, создавая тем самым основу для стабилизации обстановки в регионе, проводя политику мягкой ассимиляции местного населения, интегрируя его в общеимперское пространство. В-третьих, регион имел важное военное значение, обладание территорией степи позволяло России контролировать территорию Центральной Азии» (Семенова, 2015).

Исходя из тех обстоятельств, что Российская империя искала возможности продвижения на Восток, и в конце XVIII века учредила филиал центрального внешнеполитического ведомства – Пограничную комиссию, призванную контролировать степь (функционировала до 60-х гг. XIX века и позже была преобразована в Областное правление оренбургскими казахами), которая находилось в ведении Министерства иностранных дел, но непосредственно подчинялась оренбургскому губернатору, следует понимание, что именно внешнеполитические приоритеты и конкретные интересы целенаправленно продвигали Российскую империю в Центральную Азию. Поскольку именно Коллегия Министерства иностранных дел курировала все процессы, осуществляемые империей в казахской степи вплоть до 1859 года, и лишь позднее эти вопросы были переданы в ведение Министерства внутренних дел. Мы должны помнить, что степь исторически периодически представляла угрозу Европе (в частности, Византия пала под натиском тюрков, Россия почти до XVIII века платила дань Крымскому ханству и пр.). Изменявшаяся ситуация видимо

была использована чтобы переформатировать степь в интересах элитарных династических групп. Как четко заметила Олеся Сухих, процесс включения степи в российское имперское пространство занял более ста лет и обрел большую или меньшую завершенность только в 1865-1869 годах, в результате проведенных реформ Александра II. Так, «на начальном этапе отношения русской власти с казахскими племенами напоминали отношения «сюзерен — вассал», позже они эволюционировали в сторону абсолютной зависимости казахов от России, и эта эволюция, наряду с военной, административной, экономической сторонами, имела и идеологическую сторону, что было обусловлено не одними интересами русских в регионе, но и образом (постоянно менявшимся) как самого региона, так и населявших его кочевников» (Сухих, 2005). Как мы видим, исходя из той ситуации, в которой находилась Российская империя в XVIII веке, казахская степь имела весомое геополитическое и стратегическое значение. Поэтому в этой статье мы хотели бы проанализировать использование колониальными властями Российской империи религиозного и идеологического фактора в казахской степи.

В политике колонизации Российской империи были свои особенности. В частности, по сравнению с другими колониальными продвижениями западных стран (британская, португальская, испанская), в которых существовали не столь ассимилируемые зависимые территории (Беккер, 2004в: 70), в российской действительности территория колонии фактически не была отделена от территории административного центра, они представляли собой по мере колонизации де-юре единое целое (Сибирь, 2014: 7) и были подвержены активным ассимиля-

ционными процессам. Как отмечает исследователь Рональд Суни: «В некоторых регионах царский режим смог создать лояльных подданных путем трансформации культурной идентичности, но его политика не отличалась последовательностью и существенно варьировалось» (Суни, 2004: 188).

В анализе внешних факторов процесса колонизации и вхождения казахов в состав Российской империи важным является выявление идеологических основ колониальной политики. **Подобно тому, как без анализа логистики бесполезно представлять геоэкономические трансформации, вне понимания мировоззренчески обусловленной легитимации политико-правовых институций невозможна компетентная ретроспектива геокультурной истории. Поэтому изучение ценностных установок Российской империи представляется очень важным в исследовании этой темы.**

Когда говорим об идеологических факторах и интересах Российской империи, на первый план выдвигается сформулированная в начале XVI в. игуменом Филофеем идея о «**Москве – третьем Риме**» (в этом смысле можно вспомнить брак между Иваном Третьим и Софьей Палеолог). Это идейная константа в период правления Петра Алексеевича становится для Российского государства идеей широкой колониальной империи и по существу представляет собой продолжение византийской традиции, но уже Москва становится новым центром для христианского православного мира.

Наверное, поэтому с приходом династии Романовых, как младшей ветви Ольденбургского дома, до конца XIX столетия среди населения были спроектированы тезисы или мифы, когда рус-

ский монарх ассоциировался с образом чужеземного, чужестранного правителя (и элиты) в политической системе власти. При этом правителям приписывались положительные политические и культурные превосходства, дистанция от населения, в своем основе как нейтрального или отрицательного. Исследователь Уортман Р.С. для описания индивидуальных способов презентации императорского мифа пользуется термином «сценарии власти». «Именно в сценариях следующих одно за другим царствований можно выявить как видоизменения, так и неизменную сущность мифа, обеспечивающего взаимодействие личности и истории» (Уортман, 2004: 25)

Другим идеологическим обоснованием, как отмечают некоторые исследователи, было то, что со времён зависимости России от Золотой Орды, территория России была интегрирована в ордынскую систему государственного устройства (Кульпин, 1994: 122) и вовлечена в систему отношений государств, образовавшихся на месте Улуса Джучи (Горский, 2000: 120). Многими Россия больше рассматривалась не только как наследница Византии, сколько как продолжательница Орды, тем самым обосновывая свою экспансию на Восток.

Для вхождения России в ордынское пространство в качестве одной из ее наследниц, рассматривалось существование Касимовского ханства, одного из субъектов и административной единицы, объединенного с Московией (в Рязанской области), которое вошло в историю под названием «касимовская система». Касимовские ханы оказались со временем полностью в зависимом положении от центра (Рахимзянов, 2009: 57) и эти выработанные политические отношения между центром и подчинением потом

были использованы Российской колониальной властью как образец в завоевании других ордынских ханств. При этом, «золотоордынские стандарты престижа и авторитета государства на международной арене заимствуются в их основных политико-функциональных чертах для легитимного освоения пространства» (Шаблей, 2008: 103). Так с 1487 по 1521 год Казанское ханство пребывает на положении протектората, оформленного в соответствии с опытом Золотой Орды.

Скорее всего эти идеологические концепты в категориях государственного проектирования нужно рассматривать в комплексе, и, как отмечает исследователь П. Шаблей: «Распад Золотой Орды совпал с эпохальным для России событием – гибелью Византии под ударами турок-османов. Хорошо известно, что падение «Второго Рима», Константинополя, породило притязания «Третьего Рима», Москвы, на возрождение и усиление могущества русского государства, на вселенскую, значит, уникальную социально-политическую роль Православия, на объединение всех православных земель под главенством русского царя и исторически закрепило принципы единой державности в высшей государственной символике (государь «Всея Руси»). Эти постулаты определили – не столько содержательно, сколько стратегически и концептуально, – вектор (гео)политики Московского государства, пределы легитимности в его политико-правовых взаимоотношениях с осваиваемым на Востоке пространством» (Шаблей, 2008: 100-101), т.е. в основных рамках бывшей Ордынской империи.

Таким образом, **Орда Залеская (Московия), унаследовав опыт византийской политики «divide et impera», с XVI в. активно включилась в раздел тер-**

ритории Улуса Джучи, и стала основным выгодоприобретателем кризиса легитимности, охватившего Золотую Орду в XV в. Происхождение касимовских Джучидов («воцарение» Симеона Бекбулатовича при Иване IV), было использовано царями и сыграло не последнюю роль в колонизации Поволжья, Урала, Сибири, Причерноморья в XVI-XVII вв. **чтобы полностью добиться гегемонии в Степной Евразии.**

Кроме идеологической отсылки к улусовской (ордынской) или православной византийской традиции, другим, возможно негласным в официальной Российской колониационной политике, все-таки был религиозный вопрос, а именно идея враждебных «мусульманских земель». Так в войне с Сибирью героизация действий Ермака больше позиционировались как война с «неверными» (Forsyth, 1992b: 31), борьба народного героя за христианскую веру. Сибирь, как и Туркестан, воспринимались в глазах российской администрации как мусульманская территория, тем более что известны факты приглашения ханом Кучумом мусульманских миссионеров из Бухары и Хивы (Абдиров, 1996: 53). Как отмечает известный исследователь Сеймур Беккер «в случае с Туркестаном она (сегрегация между властителями и подвластными) обострялась многовековой антипатией христиан к мусульманам» (Беккер, 2004: 76), проектируя тем самым функцию ценностно-смыслового ориентирования. В итоге, согласно исследованиям М. Батунского, Русское государство, «готовясь к окончательному освобождению от власти мусульманской Золотой Орды и к более многогранной роли на арене тогдашней мировой истории» проводит дискредитацию Врага – мусульманства с учётом классических крестоносных конфигураций» (Шаблей, 2008: 103).

Как видим в идеологическом обосновании имперских притязаний Российские колониальные власти четко сумели использовать цепочку многозначных бинарных оппозиций: наследие традиции «Византия – ненавистные турки»; «правопреемница Орды в форме политического господства – законное подчинение бывших ордынских ханств новому центру»; «православие – мусульманство»; «Россия – Азия / Азиатская Россия». Это «обусловило амбивалентный характер её институционального и идеологического воздействия на общество и его правосознание. Так, Казань до завоевания её Иваном IV рассматривалась не просто как чужая земля, соседствующая с окраиной Руси, а как один из враждебных татарских оплотов = царство поганых = антитеза Святой Руси... Термин «мусульмане» отождествляется с мегатермином «поганые»» (Шаблей, 2008: 103).

В итоге, если изначальные отношения между центром и подданными формировались на протекторатной основе, то по мере усиления военного составляющей и административно-политического давления Российской империи, в этнических окраинах возникла необходимость развивать и новые идеологические конструкты присутствия. Постепенно идеологи внедряют в политическую систему новые понятия: «русский мир как основа цивилизационного и прогрессивного продвижения среди варваров-кочевников», «собирательство исконных земель» и пр..

Но в целом, когда Российская колониальная власть в конце XIX и в начале XX веков еще мыслила в рамках «имперской логики», Запад стал постепенно отходить от таких политических проекций и координат. Все больше в российском самодержавии нарастают противоречия

в понимании сущности политического строительства – Империя или Государство-нация? По этому поводу замечательные наблюдения делает исследователь Уортманн Р.С.: «если исследовать российскую монархию с такой же научной тщательностью, как другие социальные институты, выяснится, что институт монархии обладал собственной политической культурой, в которой господствовал миф, и своими собственными целями. Этот институт был действующей силой, создавшей арену борьбы и поражения в начале XX столетия, и он же стал одним из факторов собственного краха» (Уортманн, 2004: Т. II. С. 19).

Новым фактором, на стыке внешних и внутренних предпосылок утраты геополитической роли степи в евразийском пространстве, стало переформатирование торгово-логистической конфигурации, которое непосредственно стало сказываться на функциональной жизнеспособности политических систем в казахской степи. Так в историческом прошлом, доминирование морских сообщений, начатое вслед за плаванием Чжен Хэ из Китая через Молуккские проливы в Аравийское и Красное море, повлекло перемещение широтных товаропотоков с караванного Шелкового пути (конкурентные северо-каспийский и южно-каспийский маршруты) на меридиональные: волго-балтийский речной путь, связавший персидских и ганзейских купцов через ключевые волокни Валдайской возвышенности, и морской путь через Суэцкий перешеек из Красного моря в Средиземное. На этих конкурентных путях стали крепнуть новые политические союзы персидских Сефевидов и московских Романовых (младшей ветви Ольденбургского дома), с одной стороны, и Османской империи и мамлюков с другой. В свою

очередь, создавшееся периферийное положение стимулировало католические страны на поиск морского пути в обход Африки, а ханств Центральной Азии к настойчивым попыткам если не восстановить контроль и транспортную связность времен Золотой Орды от Китая до Балкан (Шелковый путь), то хотя бы блокировать узловые центры коммуникаций, прежде всего в районе волго-донской излучины и Крыма, но эти попытки, как известно, окончились безрезультатно.

Таким образом, с утерей торгово-логистического значения степи постепенно падает политическая функциональная жизнеспособность ордынских ханств и уже степь в евразийских континентальных процессах начинает играть роль периферии и окраин. Этот фактор становится одним из решающих в потере могущества и значения некогда сильных государств на территории Степной Евра-

зии (Казахстана). Плюс к этому, усиление сопредельных государств с враждебной геокультурной и религиозной идеологией (войны с ойратами, кызылбашами, Цинской империей и пр.) приводили к тому, что казахская степь начинать консервироваться, чтобы хотя бы сохранить численный состав населения, свой внутренний потенциал и существующие идеологические конструкты в степи.

В анализе предпосылок приведения, в особенности внутренних причин нельзя не согласиться с этим выводом дореволюционных историков (таких как А.И. Добросмыслов, П.И. Рычков, А.И. Левшин, Л. Мейер, М. Красовский, И.И. Крафт, С.В. Жуковский, А.И. Макшеев, И.Казанцев, М.А. Терентьев и пр.) которые в основе были близки к истине, но в каждом случае нужно учитывать идеологических и внутренних специфических факторов.

Литературы

1. Абдиров М.Ж. (1996). Хан Кучум: известный и неизвестный. – Алматы.
2. Алекторов А. (1883). История Оренбургской губернии. – Оренбург.
3. Алтайбек С., Иванов Г. (2014). КАЗАХСТАН-РОССИЯ: Тернистый путь к современной интеграции. Хронологическое собрание. 1731 – 2013 г. – Алматы.
4. Андриевич В.К (1889). История Сибири. Период с 1660 г. до воцарения императрицы Елизаветы Петровны. – СПб. – Ч. 2.
5. Апполова Н.Г. (1948). Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. – Алма-Ата: АН Казахской ССР, – 247.
6. Артыкбаев Ж.О. (2004). История Казахстана. – Астана, – 159.
7. Вовк И.В., Шебалин И.А. (2016). «Присяга» и «Подданство» в политической практике казахской элиты в 30–40-е гг. XVIII в // Известия Волгоградского государственного педагогического университета.
8. Вяткин М.П. (1941). Очерки по истории Казахской ССР. – М.; Л., 1941. – 368.
9. Горский А.А., (200). Москва и Орда. – М.: Наука, 120.
10. Дюсебаев Н. К. (2012). Актуальные проблемы истории Казахстана в трудах М.П. Вяткина // Вестник Томского государственного университета. Серия. История. – . – №4(20).
11. Избасарова Г.Б. (2018). Государственная деятельность А.И. Тевкелева по реализации юго-восточной политики Российской империи в XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. – № 430. – 69.
12. Избасарова Г.Б. (2016). Историография проблемы инкорпорации Младшего жуза

казахов в состав Российской империи (дореволюционный период) // Самарский научный вестник. – № 4 (17).

13. История Казахстана (с древнейших времён до наших дней). В пяти томах, том III. – Алматы: Атамұра, 2010. – 150.

14. Казахско-калмыцкие отношения // <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

15. Как «чужие» становятся «своими», или лексика включения Казахской степи в имперское пространство России* Олеся Сухих // <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-chuzhie-standovuyatsya-svoimi-ili-leksika-vklyucheniya-kazahskoy-stepi-v-imperskoe-prostranstvo-rossii/viewer>

16. Кульпин Э.С., (1994). Золотая Орда проблемы генезиса русского государства. – М. –122.

17. Покровский М.Н. (1923). Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. – М: Мысль, – 450 с. – С. 321.

18. Политика Петра I по отношению к Средней Азии // <http://bibliotekar.kz/proshloe-kazahstana-v-istoricheskikh-mate/politika-petra-i-po-otnosheniyu-k-sr-azi.html>

19. Принятие казахами Младшего и Среднего жузов подданства России//<http://testent.ru/index/0-53>

20. Присоединение Младшего жуза к России // <https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/vkhozhdeniie-kazahstana-v-sostav-rossii>

21. Рахимзянов Б.Р., (2009). Касимовское ханство (1445-1552 гг.). Очерки истории. – Казань,– С. 57.

22. Семенова Н.Л. (2015). Политика уфимских и симбирских генерал-губернаторов в Казахстане в начале 80-х гг. XVIIIв. // Universum: Общественные науки: электрон. научн. журн. – № 6 (16) . URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/2272>

References

1. Abdirov M.Zh. (1996). Han Kuchum: izvestnyj i neizvestnyj. – Almaty.
2. Alektorov A. (1883). Istorija Orenburgskoj gubernii. – Orenburg.
3. Altajbek S., Ivanov G. (2014). KAZAHSTAN-ROSSIJa: Ternistyj put' k sovremennoj integracii. Hronologicheskoe sobranie. 1731 – 2013 g. – Almaty.
4. Andrievich V.K (1889). Istorija Sibiri. Period s 1660 g. do vocarenija imperatricy Elizavety Petrovny. – SPb. – Ch. 2.
5. Appolova N.G. (1948). Prisoedinenie Kazahstana k Rossii v 30-h godah XVIII veka. – Alma-Ata: AN Kazahskoj SSR,– 247.
6. Artykbaev Zh.O. (2004). Istorija Kazahstana. – Astana, – 159.
7. Vovk I.V., Shebalin I.A. (2016). «Prisjaga» i «Poddanstvo» v politicheskoy praktike kazahskoj jelity v 30–40-e gg. XVIII v // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.
8. Vjatkin M.P. (1941). Ocherki po istorii Kazahskoj SSR. – М.; L., 1941. – 368.
9. Gorskij A.A., (200). Moskva i Orda. – М.: Nauka, 120.
10. Djusebaev N. K. (2012). Aktual'nye problemy istorii Kazahstana v trudah M.P. Vjatkina // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija. Istorija. – . – №4(20).
11. Izbasarova G.B. (2018). Gosudarstvennaja dejatel'nost' A.I. Tevkeleva po realizacii jugo-vostochnoj politiki Rossijskoj imperii v XVIII v. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – № 430. – 69.
12. Izbasarova G.B. (2016). Istoriografija problemy inkorporacii Mladshego zhuza kazahov v sostav Rossijskoj imperii (dorevoljucionnyj period) // Samarskij nauchnyj vestnik. – № 4 (17).
13. Istorija Kazahstana (s drevnejshih vremjon do nashih dnejj). V pjati tomah, tom III. – Almaty: Atamұra, 2010. – 150.

14. Kazahsko-kalmyckie otnosheniya // <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
15. Kak «chuzhie» stanovjatsja «svoimi», ili leksika vključenija Kazahskoj stepi v imperskoe prostranstvo Rossii* Olesja Suhij // <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-chuzhie-stanovyatsya-svoimi-ili-leksika-vklyucheniya-kazahskoy-stepi-v-imperskoe-prostranstvo-rossii/viewer>
16. Kul'pin Je.S., (1994). Zolotaja Orda problemy genezisa russkogo gosudarstva. – M. –122.
17. Pokrovskij M.N. (1923). Diplomacija i vojny carskoj Rossii v XIX stoletii. – M: Mysl', – 450 s. – S. 321.
18. Politika Petra I po otnosheniju k Srednej Azii // <http://bibliotekar.kz/proshloe-kazahstana-v-istoricheskikh-mate/politika-petra-i-po-otnosheniyu-k-sr-azi.html>
19. Prinjatje kazahami Mladshego i Srednego zhuzov poddanstva Rossii//<http://testent.ru/index/0-53>
20. Prisoedinenie Mladshego zhuza k Rossii // <https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/vkhozhdieniie-kazahstana-v-sostav-rossii>
21. Rahimzjanov B.R., (2009). Kasimovskoe hanstvo (1445-1552 gg.). Očerki istorii. – Kazan', – S. 57.
22. Semenova N.L. (2015). Politika ufimskih i simbirskih general-gubernatorov v Kazahstane v nachale 80-h gg. XVIIIv. // Universum: Obshhestvennye nauki: jelektron. nauchn. zhurn. – № 6 (16) . URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/2272>